

Леонтьев К. Н. Письма к Анатолию Александрову: [I, 24 июля 1887 г., II, 13 октября 1887 г.] / Сообщил А. А. Александров // Богословский вестник 1914. Т. 1. № 3. С. 450–467 (3-я пагин.). (Начало.)

Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолию Александрову.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. А. Александрова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переписка моя съ покойнымъ К. Н. Леонтьевымъ относится къ 4^{1/2} послѣднимъ годамъ его жизни. Личное же знакомство наше продолжалось лѣтъ семь.

Въ первый разъ я встрѣтилъ К. Н. Леонтьева въ 1884 г. на одной изъ „пятницъ“ покойнаго П. Е. Астафьева, завѣдывавшаго въ то время университетскимъ отдѣленіемъ Катковскаго Лицея въ Москвѣ, въ которомъ я былъ тогда студентомъ. Астафьевъ читалъ намъ тогда философію. Но, живой, сердечный, удивительно чуткій и отзывчивый, истинно просвѣщенный и многосторонне образованный, человекъ истинно русскаго склада ума и характера, онъ вліялъ на насъ особенно благотворно не столько лекціями, сколько въ-лекціонными бесѣдами вообще и, между прочимъ, этими своими „пятницами“.

На этихъ „пятницахъ“ у Астафьева, кромѣ насъ, студентовъ, бывалъ кое-кто изъ писательскаго, профессорскаго, и артистическаго міра.

К. Н. Леонтьевъ служилъ въ то время цензоромъ въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ и время отъ времени печаталъ свои статьи и повѣсти въ нѣкоторыхъ изъ періодическихъ изданій. Познакомившись съ Астафьевымъ, онъ скоро подружился съ нимъ и сталъ нерѣдкимъ посѣтителемъ его „пятницъ“.

Своеобразная наружность Леонтьева, его истинно самобытный, крайне оригинальный, сильный и смѣлый умъ и пла-

менная, увлекательная рѣчь произвели на меня, какъ и на всѣхъ почти товарищей моихъ, студентовъ. съ первой же встрѣчи съ нимъ чарующее впечатлѣніе, вылившееся въ посвященное ему мною стихотвореніе „Чародѣй“. Черезъ Астафьева стихотвореніе это дошло до Леонтьева, понравилось ему, и онъ пригласилъ меня бывать у него. Съ тѣхъ поръ я сталъ частымъ его гостемъ. Иногда и онъ самъ, преодолевая свои все усиливавшіеся физическіе недуги, поднимался на четвертый этажъ Лицея, въ мою скромную студенческую комнату, или, чтобы не подниматься ко мнѣ по лѣстницѣ, вызывалъ меня для бесѣды съ собой въ лицейскій садъ. Его же квартира въ Денежномъ переулкѣ Пречистенки, въ двухъ-этажномъ деревянномъ темнокоричневомъ домѣ Авдѣевой сдѣлалась скоро настоящей аудиторіей, куда въ долгіе осенніе и зимніе вечера спѣшили мы послушать этого удивительнаго, ни на кого другого не похожаго старика съ сильнымъ, острымъ, глубокимъ умомъ, чуткимъ, добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ и громовою, огненною, смѣлою, своеобразною рѣчью. Живая, чуткая молодежь интересовалась имъ и понимала его гораздо больше, чѣмъ его сверстники.—и это очень радовало его и занимало.

Къ сожалѣнію, этимъ живымъ бесѣдамъ нашимъ съ нимъ и своеобразнымъ вдохновеннымъ лекціямъ его намъ, или, точнѣе, горячей личной проповѣди и завѣтамъ его молодежи скоро пришелъ конецъ. Разстроенное здоровье заставило К. Н. Леонтьева въ 1887 г. выйти въ отставку и удалиться изъ Москвы на покой въ Оптину Пустынь Калужской губерніи.

Съ переѣздомъ его въ Оптину Пустынь и начинается моя съ нимъ переписка. Къ этому времени я уже окончилъ университетскій курсъ, и, дописывая кандидатское сочиненіе, рѣшалъ вопросъ о дальнѣйшемъ жизненномъ пути своемъ. Думамъ и заботамъ объ этомъ, съ просьбой совѣта, и посвящено первое мое письмо къ К. Н. Леонтьеву, отвѣтомъ на которое и служить первое изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ его ко мнѣ.

Письма Леонтьева дышатъ такимъ самобытнымъ, оригинальнымъ умомъ, такою глубиной религіознаго чувства, трогательною, плѣнительною добротой и сердечностью, чарующею нескрѣпностью, живостью, отзывчивостью, такъ литера-

турно, хорошо написаны, до того полно иной разъ отражаютъ его сложную, живую, впечатлительную, страстную душу, со всѣми ея особенностями, что обнародованіе ихъ будетъ, думается мнѣ, далеко не лишнимъ вкладомъ въ собраніе матеріаловъ для изученія этого интереснаго, своеобразнаго и почти совершенно у насъ до сихъ поръ не разъясненнаго и не разгаданнаго человѣка и писателя.

Анатолій Александровъ.

П и с ь м о I.

24 іюля 1887. Оптина Пустынь. 6 часовъ вечера.

Александровъ, мой добрый и милый другъ. всего *одна* часъ тому назадъ я получилъ Ваше письмо — и, благодаря проливному дождю и полнѣйшему досугу, сажусь тотчасъ же Вамъ отвѣчать, по порядку на всѣ вопросы Ваши¹⁾.

Прежде всего, одобряю ли я Ваши планы — *профессорство* и т. п.? — И да, и нѣтъ. И правда, что лучше всего *въ основаніи* положиться на волю Божию²⁾; но такъ какъ вопросъ этотъ такъ называемый „средній“ (т. е., въ немъ нѣтъ ни прямого грѣха, ни прямого „спасенія“), то выборъ можетъ зависѣть отъ нашихъ наклонностей и выгодъ³⁾...

1) Только что окончивъ университетскій курсъ, я въ это время стоялъ въ раздумьи, подобно путнику въ старой сказкѣ, на распутьи жизненныхъ дорогъ. Успѣвъ уже въ достаточной степени полюбить и оцѣнить покойнаго К. Н., я и обратился къ нему въ письмѣ своемъ съ нѣкоторыми „вопросами“ по этому поводу. Трогательная отзывчивость, сердечность, чуткость и вдумчивость его отвѣта, горячая готовность прийти на помощь не словомъ только, но и дѣломъ — заставили меня оцѣнить и полюбить его еще больше, — и между нами завязалась съ тѣхъ поръ дѣятельная переписка, которая продолжалась до самой его смерти. *Ан-Ал—овъ.*

2) и 3) Вопросъ: какъ же узнать эту волю Божию? Конечно, когда дѣло идетъ о выборѣ между грѣхомъ явнымъ и воздержаніемъ или добродѣтелью, то на это есть заповѣди, всѣмъ извѣстныя, и, сверхъ того, въ сочиненіяхъ аскетическихъ писателей (Варсонофія Великаго, Аввы Дороея, Іована Лѣствичнина) не только монахи, но и мірянинъ можетъ найти много полезныхъ для себя указаній и частныхъ оттѣнковъ, дополняющихъ основныя правила Христіанства. Я полагаю, что не слѣдуетъ

Тещерь, конечно, и Вамъ извѣстно, что Катковъ 20 іюля

раздѣлять слишкомъ рѣзко монашество отъ свѣтскаго христіанства, какъ дѣлаютъ многіе, употребляя слово „аскетизмъ“ только въ смыслѣ стремленія къ наивысшему отреченію. Вся теорія Христіанства основана прежде всего на *отреченіи вслѣдствіе страха Божія и въ надеждѣ на вѣчное блаженство*, долженствующее вознаграждать насъ за это отреченіе. Ап. Павелъ говоритъ, что еслибы у христіанъ не было надежды на вѣчную жизнь, то они были бы самые несчастные изъ людей (къ Коринѣ. I, 19). *Требованія отъ насъ велики. Аскія* значить по-гречески *борьба, подвигъ*. Аскетъ—подвижникъ, борющійся. Если мірянину, напр., женатому перестала нравиться его жена, и даже по временамъ ненавидна ему, а онъ, *молясь Богу и призывая его на помощь*, не оставляетъ ея, для примѣра дѣтямъ или для избѣжанія прелюбодѣянія съ той и другой стороны, то развѣ это не тяжкое, не ужасное иногда отреченіе? не подвигъ о Христѣ? Это—подвигъ, можетъ быть, несравненно большій, чѣмъ многіе монашескіе,—особенно для человѣка съ воображеніемъ и съ изящными вкусами. Монашеское одиночество не пошло, а холодная дюжинная семья будетъ нетерпимо пошла, если ея прозу не озаряетъ, такъ сказать, хоть изъ темнаго уголка въ домѣ лампада чистой, искренней вѣры. „Богу такъ угодно,—потерпимъ даже и прозу, и пошлость, и возблагодаримъ его, что еще *не хуже!*“ Такіихъ примѣровъ изъ мірскаго жизни можно бы привести много. Поэтому и поняжо, что чтеніе Житій Святыхъ и аскетическихъ писателей нужно и свѣтскому христіану точно такъ же, какъ и монаху.

Вообще это такъ,—но какъ узнать волю Божию, когда дѣло идетъ о выборѣ занятій, объ образѣ или мѣстѣ жизни и т. п.? Тутъ нѣтъ ни грѣха, ни добродѣтели; но каждому желательно поступить такъ чтобы не каяться потомъ съ *житейской*, съ *практической* точки зрѣнія. (Каяться въ грѣхахъ надо постоянно, ибо, присмотрѣвшись лучше, мы увидимъ, что ежемнунто грѣшимъ,—это другое дѣло!). Желательно, 1) чтобы *мнѣ было полегче* (ибо и безъ новыхъ и новыхъ нашихъ ошибокъ жизнь трудна), а 2) чтобы избранный мною *своеволью* путь, какъ будто и невинный самъ по себѣ, не привлекъ бы меня къ какой-нибудь непредвидимой безднѣ грѣха. Вотъ тутъ-то и важно *благословеніе* духовника или старца высокой жизни. Я признаю за нимъ особую благодать Духа Святаго, которой у меня нѣтъ, при всей моей образованности и опытности. Мы часто воображаемъ, что дѣйствуемъ *по разуму*, а потомъ начинаемъ понимать, что этимъ разумомъ руководило ошибочное пристрастіе. А когда, обдумавши самъ свое дѣло и взявши, между прочимъ, въ расчетъ всѣ эти мои вкусы и пристрастія, я даю съ вѣрой разсѣчь сложный узелъ моего разсужденія лицу духовному, то выходитъ вотъ что: или дѣло удаётся,—я очень радъ; или не удаётся,—мнѣ больно, но я утѣшенъ мыслию, что я послѣдовалъ волѣ Божіей и что Господь ведетъ все это къ лучшему. При свиданіи, я расскажу Вамъ нѣсколько примѣровъ изъ моей жизни и изъ жизни знакомыхъ. *К. Леонтьевъ*.

скончался ⁴⁾, и полезенъ Вамъ въ этомъ отношеніи уже быть не можетъ ⁵⁾.

Что касается до меня, то будьте, мой дорогой другъ, увѣрены, что, лишь бы у меня были силы и случай и лишь бы меня послушали, я буду за Васъ хлопотать, напр., у И. Д. Делянова; *если обстоятельства позволяютъ*, то я, минуя даже Т. И. Филиппова (не надо и его безъ крайности обременять), обращусь и письменно и прямо съ ходатайствомъ за Васъ къ министру Народнаго Просвѣщенія. Мнѣ *кажется*, что онъ *повѣритъ мнѣ*. Помните только, во избѣжаніе недоразумѣній, что я *подчеркнулъ* слова: „если обстоятельства позволяютъ“... Какія именно, здѣсь распространяться не стану, а дальше.

Хорошо ли поэту быть профессоромъ, даже и отечествен-

⁴⁾ *Не знаю*: велика ли потеря для всѣхъ насъ смерть Каткова? Нельзя, разумеется, не писать и не говорить публично, что утрата велика. Онъ былъ истинно великій человекъ, и слава его будетъ расти. Надо воздавать ему должное. Но я спрашиваю у себя вотъ что: 1) Должны ли мы заботиться объ укрѣпленіи Православной Церкви, не смотря на то, что послѣднія времена, по всѣмъ признакамъ, близки? Конечно, должны. Надо приготовить паству для послѣдней борьбы. 2) Что важнѣе всего для этой цѣли? Важнѣе всего, чтобы учительствующая часть Церкви, т. е. іерархія Православная стояла въ уровень вѣка не только по учености, но и по воспитанію и по всему. Надо, чтобы, сверхъ того, у духовенства было больше самобытной власти. 3) Есть ли надежда на это? *Есть*. Церковь можетъ жить (т. е. мѣняться) въ частностяхъ, оставаясь неподвижной въ основахъ; на жизнь ея (земную) имѣетъ большое вліяніе положеніе духовенства и другія историческія условія. Православная Восточная Церковь *никогда еще не была централизована*; а запрета ей быть таковою нигдѣ нѣтъ. Ваятіе Царьграда дастъ возможность сосредоточить силу и власть іерархіи, хотя бы и въ формѣ менѣе единоличной, чѣмъ на Западѣ, а болѣе соборной. 4) При чемъ же тутъ Катковъ? Онъ былъ жестокой *противникъ* этой централизаціи: въ частныхъ бесѣдахъ упрекалъ меня и Филиппова за такое желаніе; а въ печати молчалъ *пока*, ограничиваясь постоянной травлей греческаго духовенства, которое, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, болѣе нашего способно будетъ, по историческимъ привычкамъ своимъ, къ властной роли. Онъ *заранѣе*, очень обдуманно старался унизить его въ глазахъ русскихъ читателей. Поняли? Sapienti sat! К. Леонтьевъ.

⁵⁾ М. Н. Катковъ къ желанію моему готовиться къ магистерскимъ экзаменамъ по исторіи русской словесности отнесся съ большимъ участіемъ и тронувшей меня сердечностью. предложивъ у себя въ Липецъ до окончанія экзаменовъ комнату, столъ и пользованіе бібліотекой. Со смертію его это, разумеется, осуществиться уже не могло. Ан. Ал.—въ.

ной литературы? Не знаю. Кажется, что нѣтъ,—по крайней мѣрѣ, наши всѣ лучшіе поэты были или чиновники (Грибоѣдовъ, Майковъ, Полонскій), или офицеры (Лермонтовъ, Ден. Давыдовъ. Фетъ смолоду), или просто помѣщики (Пушкинъ, тотъ же Фетъ, Ал. Толстой). Профессора ни одного не знаю. Нѣтъ ли тутъ какой-нибудь глубокой психологической несовмѣстимости,—необъяснимой, если хотите, но всетаки *возможной*, судя по этимъ фактамъ?⁶⁾ Это одна сторона дѣла.— А другая вотъ какая. Я *вѣрю* въ Ваше призваніе; вѣрю уже потому, что тамъ, гдѣ сюжетъ у Васъ *особый*, свой собственный, касающійся вполнѣ индивидуальнаго явленія, тамъ Вы торжествуете и обнаруживаете большую силу. Таковы всѣ Ваши посвященія: П. Е. Астафьеву, Каткову, Фету, мнѣ. Здѣсь Вы *вынуждены предметами вдохновенія* не напоминать никого. Все же остальное у Васъ до сихъ поръ (даже и очень милый „Щавелъ“) не имѣетъ никакой самобытности (т. е. стоящей *большого* вниманія) и слишкомъ ужъ напоминаетъ сороковые и тридцатые годы; конечно, это лучше, чѣмъ шестидесятые и семидесятые; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы Ваши стихи поскорѣе приобрѣли такую рѣзкую печать индивидуальности, чтобы сразу можно было узнавать Васъ, какъ можно узнавать Фета (*прежняго*, разумеется) или Кольцова. *Будетъ ли это или нѣтъ, не знаю еще.* Полное созрѣваніе таланта зависитъ отъ многого, помимо непосредственныхъ силъ дарованія; надо, чтобы окружающая жизнь дала бла-

⁶⁾ Профессура и поэзія... До сихъ поръ не было *у насъ*. На Западъ—не помню. Кажется, тоже не было. (Байронъ, Гете, Шиллеръ, Альфр. де Мюссе, В. Гюго, Гейне, Беранже, Ламартинъ—профессорами не были). Но то, что невозможно было въ одну эпоху, можетъ стать возможнымъ въ другую. Въ первую половину этого вѣка (да и позднѣе) у насъ въ Россіи хорошими поэтами могли быть только *дворяне* (за исключеніемъ Кольцова и Никитина, которые зато были почти мужики); изъ людей „средняго“ положенія, изъ разночинцевъ, семинаристовъ и т. п.—и до сихъ поръ я еще не вижу ни одного дѣйствительно стоящаго вниманія; но все таки теперь (вслѣдствіе, впрочемъ, того же *смѣщенія*, которое рано или поздно убываетъ все) я полагаю это болѣе возможнымъ. Не такъ тяжелы и сѣры, какъ прежде, стали эти „средніе“ люди. Можетъ быть, и профессура не помѣшаетъ въ наше время. (Жуковский былъ *почти* профессоромъ; но онъ былъ учителемъ *Наслѣдника при Дворѣ*... Это разница!). *Примѣвъ:* а все таки о. о. Амвросій и Варнава и въ такомъ вопросѣ *полезны* меня. Я—млеко; они—твердая пища. *К. Леонтьевъ.*

гопріятное для этого созрѣванія содержаніе; надо еще, чтобы собственная жизнь поэта сложилась такъ, чтобы ему *хотѣлось жить*. А иначе онъ сохранить и пониманіе поэзіи, какъ въ самой жизни, такъ и въ искусствѣ, но *жить* всетаки не станеть ⁷⁾.

Вы пишете о своемъ сердцѣ: „мое мягкое и глуное сердце“... Вамъ жаль Вашихъ бѣдныхъ родныхъ, и Вы не хотите забыть ихъ для какихъ-то „воздушныхъ замковъ“... Я, другъ мой, вѣрьте, понимаю ваши чувства, столь благородныя и искреннія, — и, если бы мы были теперь вмѣстѣ, я бы могъ привести Вамъ изъ собственной жизни примѣры той самой борьбы поэзіи съ моралью, о которой Вы говорите. Сознаюсь, у меня часто брала верхъ *первая*, не по недостатку *естественной* доброты и честности (онѣ были сильны отъ природы во мнѣ), а вслѣдствіе *исключительно эстетическаго міровоззрѣнія*. Гёте, Байронъ, Беранже, Пушкинъ, Батюшковъ, Лермонтовъ, самый этотъ теперь столь дряхлый А. А. Шенпинъ (Фетъ) и даже древніе поэты, съ духомъ которыхъ я былъ знакомъ по переводамъ и критическимъ статьямъ, съ этой стороны въ высшей степени развратили меня. Да и почти всѣ (самые лучшіе именно) поэты — за исключеніемъ развѣ Шиллера и Жуковскаго — (надо христіанину имѣть смѣлость это сказать!) — глубокіе развратители въ эротическомъ отношеніи и въ отношеніи гордости (Петръ Евгеніевичъ ⁸⁾) взбѣсился бы на меня за это, но вѣдь это правда, — что дѣлать!). И если, *наконецъ*, старѣе я сталъ (послѣ 40 лѣтъ) предпочитать мораль — поэзіи, то этимъ я обязанъ, право, не годамъ (не вѣрьте, что старость *одна* можетъ морализировать: *нѣрѣдко*, напротивъ того, она *изоцряетъ* въ развратѣ примѣровъ — даже историческихъ — бездна), — не старости и болѣзнямъ я обязанъ этимъ, но *Авону*, а потомъ *Оптиной*... Изъ человѣка съ широко и разносторонне развитымъ воображеніемъ только *поэзія религіи* можетъ вытравить *поэзію изящной безнравственности*...

Если я, по характеру несравненно болѣе Васъ легкомыс-

⁷⁾ Мысль очень глубокая сама по себѣ, а по отношенію меня оказавшаяся и пророческою: моя послѣдующая жизнь сложилась такъ, что, кажется, навсегда отбила отъ пѣсень... *Ан. Ал.—вз.*

⁸⁾ Астафьевъ. См. „Предисловіе“. *Ан. Ал.—вз.*

ленный, по первоначальнымъ условіямъ общественнымъ и семейнымъ гораздо болѣе Васъ избалованный и развращенный, почувствовалъ, наконецъ, потребность болѣе строгой морали, то тѣмъ болѣе, какая же возможность Вамъ забывать *мораль*, Вамъ съ Вашей серіозностью, съ Вашей глубиной сердечной, при тѣхъ суровыхъ требованіяхъ, которыя со стороны семейной съ такихъ раннихъ лѣтъ предъявляетъ къ Вамъ судьба! Я былъ бы не только очень грѣшный, но и скверный человѣкъ, самый скверный, если бы я сталъ взулпать Вамъ что-нибудь другое, зная навѣрное, что слова моего поисгинѣ огромнаго житейскаго опыта не пройдутъ безслѣдно для Вашей впечатлительной души. Если я, при моемъ врожденномъ легкомысліи, до сихъ поръ не могу простить себѣ нѣкоторыхъ изъ моихъ давнихъ сознательно жестокихъ и преднамѣренно сухихъ поступковъ (когда я *во имя поэзіи* жертвовалъ добротой, состраданіемъ, честностью и т. д.), то Вы, такой *серьозно-хорошій* человѣкъ — да Вы не будете никогда покойны и проклянете себя, если для этихъ „воздушныхъ замковъ“ забудете мораль.—Но какъ же быть? Поэзія жизни обворожительна, мораль очень часто—увя!—скучна и монотонна... *Вѣра, молитва, Церковь, поэзія религіи Православной со всей ея обрядностью и со всемъ аскетическимъ „коррективомъ“ ея духа*—вотъ единственное средство опозитивировать прозу семейной морали⁹⁾, вотъ лучшее противоядіе тонкому яду поэзіи героической и любовной.

⁹⁾ Семья и семья—разница... Какая? Мать, отецъ, сестры и т. д.—не Вами избранная, а Богомъ данная, *готовая* съ дѣтства; независимо отъ воли Вашей, или жена и свои дѣти—Вами избранная, а Богомъ только благословенная, — *которая для поэта лучше?* Конечно, первая (т. е. такая, какая у Васъ теперь) въ 10 разъ для художника лучше. Если вообразить себѣ человѣка, который *сдумалъ бы* воздержатъ себя вовсе отъ блуда (какъ сдумалъ покойный К. С. Аксаковъ) или хоть рѣшительно стремиться къ этому, и при этомъ, развивая свой даръ стихотворства, данъ морали платилъ бы строго, поддерживая бѣдныхъ родныхъ и не связывая себя новой семьей (которая и отъ помощи отцу съ матерью и отъ стиховъ отобьетъ), то такой человѣкъ былъ бы *героиченъ*; а тѣмъ самъ себя втайнѣ поэтъ представляетъ поэтичнѣе, тѣмъ ему лучше пишется, искреннѣе, горячѣе... Добродѣтельный молодой поэтъ, неусыпно помогающій роднымъ — это что - то особое и высокое! Просто женатый и обремененный дѣтьми человѣкъ, исполняющій недурно свои обязанности мужа и отца—это, слава Богу, не рѣдкость, но едва ли для поэзіи выгодно. Впрочемъ, это такой глубокой вопросъ, который я могу только

Знаете ли Вы, что я двѣ самыя лучшія свои вещи, романъ и не—романъ („Одиссея“ и „Византизмъ и Славянство“) написалъ *послѣ 1½ года обращенія съ Афонскими монахами, чтенія аскетическихъ писателей и жесточайшей плотской и духовной борьбы съ самимъ собою?* (Съ ужасомъ и благодарностью я вспоминаю теперь объ этихъ жестокихъ и возвышающихъ сердце временахъ!). Запаса живыхъ впечатлѣній, мечты о роскоши житейской и т. п. молитва и строгость мировоззрѣнія въ молодомъ человѣкѣ и мірянинѣ не убьютъ,—онѣ только урегулируютъ ихъ. Но надо доходить скорѣе до того, чтобы Іоаннъ Лѣвiticникъ больше нравился, чѣмъ Ѳ. М. Достоевскій... Нужно дожить, дорасти до *дѣйствительнаго* страха Божія, до страха почти *животнаго* ¹⁰⁾ и

анализировать, а синтезъ практическаго выхода долженъ, опять таки скажу, принадлежать *не мнѣ, а духовному лицу. К. Леонтьевъ.*

¹⁰⁾ Страхъ животный унижаетъ *какъ будто* насъ. Тѣмъ лучше—унизимся предъ Богомъ; черезъ это мы нравственно станемъ выше. Та *любовь къ Богу, которая до того совершенна, что изгоняетъ страхъ*, доступна только очень немногимъ; даже изъ тѣхъ святыхъ, которыхъ житія Вы, конечно, оставили всѣ въ Москвѣ (по внушенію дьявола), очень немногіе позволяли себѣ говорить то, что позволилъ себѣ сказать Антоній Великій: „Я Бога теперь ужъ такъ люблю, что и не боюсь Его“. Сказалъ онъ это послѣ такихъ испытаній и искушеній, что намъ и подумать страшно. А то, что многіе изъ насъ считаютъ въ себѣ любовью къ Богу, весьма несовершенно и обыкновенно безплодно безъ помощи и примѣси страха (Божія). Я до 1871 года, до моей поѣздки на Афонъ, очень любилъ и сердцемъ и воображеніемъ Православіе, его богослуженіе, его исторію, его обрядность; любилъ и Христа; чтеніе Евангелія изрѣдка и тогда, при всемъ глубокомъ развратѣ моихъ мыслей, меня сильно трогало. Любилъ и любовь къ ближнимъ, въ смыслѣ состраданія, снисхожденія, благотворительности, но за то и въ смыслѣ сочувствія всякимъ страстямъ: честолюбію, сладострастію, во многихъ случаяхъ даже и личной жестокости. Любилъ *своеволью*, безъ закона и страха; а когда въ 1869, 70 и 71 годахъ меня поразили одинъ за однимъ ударъ за ударомъ, и адоровье само вдругъ пошатнулось (и все это въ такое время, когда я часто говорилъ: „Надо *умѣть* быть счастливымъ! Я счастливъ, потому что *умѣю* наслаждаться жизнью; а дураки не умѣютъ!“), тогда я испыталъ вдругъ чувство безпомощности моей передъ невидимыми и карающими силами, и ужаснулся до просого животнаго страха, *тогда только я почувствовалъ себя въ своихъ глазахъ въ самомъ дѣлѣ униженнымъ и нуждающимся не въ человѣческой, а въ Божеской помощи.* И хотя и теперь я нахожу въ себѣ и вѣру, и страхъ Божій, и любовь *весьма* несовершенными, по множеству ежедневныхъ примѣровъ, но все таки путь за эти 16 лѣтъ пройденъ огромный *къ лучшему.* Вотъ въ чемъ дѣло. А такъ называе-

самаго простого передъ ученіемъ Церкви, до простой боязни согрѣшить... Я слыхалъ образованныхъ людей, которые смѣются надъ этимъ чувствомъ (его во времена умной старины великіе герои и богатыри не стыдился!),— смѣются и говорятъ: „Что это я буду какъ дитя: ахъ! Боженька за это камушкомъ побьетъ!“... Да, побьетъ! И счастливъ тотъ, кого побьетъ. Я—счастливый, а Фетъ—несчастный, въ своемъ атеистическомъ ослѣпленіи! Или есть Богъ личный, Богъ живой,—или нѣтъ Его. А если есть, такъ куда же и Бисмарку, и Петру I и кому бы то ни было *мѣряться* силами съ Нимъ и передъ лицомъ Его помнить о какомъ-то *достоинствѣ* человѣческомъ! Ну, довольно,—Вы поняли меня.

Вотъ мое Вамъ заключеніе: „*Не забывайте бѣдныхъ родныхъ*,—готовьтесь въ профессора, это должность обезпеченная, ровная, покойная и—при *хорошемъ духѣ*—въ высшей степени полезная другимъ. А, впрочемъ, я, съ своей стороны, если буду этой зимой въ Петербургъ, посмотрю, нельзя ли Вамъ доставить возможность иного пути, болѣе живого и для стихотворства болѣе выгоднаго.“

Саблеръ былъ здѣсь три дня—и самъ пожелалъ познакомиться со мною; но мы видѣлись за обѣдомъ у архимандрита, мелькомъ, и объ Васѣ невозможно было говорить при всѣхъ и *сразу*. Время еще терпитъ... Вы, я думаю, удивились, прочитавши: „если я буду зимой въ Петербургъ“...—„К. Н-чъ, *хочетъ*, да и зимой еще, въ Петербургъ?“—*Не хочетъ* К. Н-чъ, ничуть *не хочетъ*!—К. Н-чъ хотѣлъ бы одного: прежней, хотя бы и болѣзненной, но тихой и для сердца милой жизни въ Москвѣ зимою, съ юродивой и растрепанной Лиз. Павл. съ Варей, Сашей, старой кошкой (она въ Мазиловѣ)¹¹⁾, съ друзьями по вечерамъ,—и *больше ничего!* А лѣтомъ—отъ мая до октября—въ Оптиной съ монахами и другими друзьями. Но въ Москвѣ жить на 200 руб... *мнѣ невозможно*, когда и 245—недоставало... А здѣсь отъ 200—остается даже на уплату старыхъ долговъ. Тамъ *занималъ*—здесь *плачу!* Вотъ

мнѣ „достоинства“: честность, твердость, благородство и даже хорошія, „достоинныя“ манеры (которыя вѣрѣдко и у мужиковъ бывають)—это все останется при насъ. У монаховъ *манеры-то* вообще приличны и гораздо лучше, чѣмъ у мірянъ *одного*, конечно, съ ними сословія. *К. Леонтьевъ.*

¹¹⁾ Деревня подъ Москвой, гдѣ К. Н-чъ жилъ на дачѣ предыдущее лѣто. *Дн. Ал—62.*

разница. И такъ тутъ выбора нѣтъ, надо оставаться здѣсь, ибо даже и на Троицкомъ посадѣ дорого.—а въ Псалтири сказано: „*заемлетъ грѣшныи—и не возвратитъ*“... Къ тому же надо и стыдъ знать въ мои года... Лучше ужъ иногда и поскучать зимою здѣсь (Богъ милосивъ!), чѣмъ съ сѣдыми волосами путаться въ долгахъ. Это *мое* разсужденіе...

Но неизвѣстно, такова ли воля Божія. Въ Юнѣ еще я получилъ приглашеніе переселиться (хоть *на зимы* только) въ Петербургъ для занятій при *новой* консервативной большой газетѣ, съ какими - то мнѣ неизвѣстными, но вѣрными и значительными средствами. Предлагающее (и очень важное) лицо посовѣтовало мнѣ потребовать себѣ годовой окладъ „повыше“, чтобы не требовать потомъ добавочныхъ и не входить въ пререканія. Вообразите мое удивленіе и даже отчасти ужась... *Петербургъ зимою и дѣятельность—мнѣ!* мнѣ, до невѣроятія душой усталому и тѣломъ изнуренному, какъ Вы знаете... Мое первое движеніе было, конечно, отказаться; но на это я не позволилъ себѣ рѣшиться, не сказавши всего о. Амвросію. *Онъ отказываться не благословилъ, а велѣлъ потребовать больше денегъ и удобствъ.* Я хотѣлъ назначить 6.000 въ годъ, но о. Амвросій сказалъ: 8.000, такъ чтобы съ пенсіей выходило 10.500.—Я такъ и написалъ, и, кромѣ того, требую разныхъ льготъ: отпуска въ Оптину съ мая до октября (на это согласны), контракта, до 7 часовъ вечера—*не звонитъ* у меня, $\frac{1}{2}$ оклада за самый, такъ сказать, фактъ моего существованія въ этой „сѣверной Европѣ,“ а $\frac{1}{2}$ погашать листами и строчками (300 руб. за листъ) и т. д. Если на всѣ эти неслыханныя требованія согласятся, то, значить, *Богу это угодно,* а если нѣтъ—нѣтъ!... Предложилъ я имъ и еще сдѣлку, болѣе легкую для обѣихъ сторонъ и мнѣ несравнено болѣе пріятную: окладъ въ 3.000, листъ—250 р., и жить у Троицы или хотъ и въ Москвѣ. Какъ хотятъ, или, вѣрнѣе, какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ. Петербургъ, Москва, Оптина... Вездѣ можно „въ мирѣ и покаянніи скончати животъ.“

Поэтому - то и мое вліяніе на Ваши дѣла и на Вашу каррьеру можетъ быть весьма различное. Разумѣется, въ Петербургѣ—большее, въ другихъ мѣстахъ—меньшее.: А какъ именно повліять и что именно для Васъ сдѣлать, это увидимъ яснѣе, быть можетъ уже и въ сентябрѣ.

Вотъ тѣ весьма важныя, но для меня одного, *обстоятельства*, о которыхъ я, не поговоривши прежде о Васѣ самихъ и Вашемъ талантѣ, распространяться не хотѣлъ. Замѣчу кстати, что и Саблеръ былъ чрезвычайно ко мнѣ здѣсь любезенъ, цѣловаль и тоже убѣдительно звалъ въ Петербургъ „послужить Церкви,“ какъ онъ выразился (для меня это показалось ужъ и страшно что - то: „Церкви,“—государству—куда ни шло, а то ужъ и Церкви!).

Если ужъ суждено мнѣ зимы двѣ—три *протянуть* въ Петербургѣ, то тамъ у меня для Васѣ будетъ что ни шагъ, то протекція: Деляновъ, Т. И. Филипповъ, Гагаринъ (Внутрен. Дѣль), Саблеръ, Побѣдоносцевъ, Н. П. Игнатъевъ. Кто знаетъ,—быть можетъ, можно будетъ мнѣ и просто-на-просто Васѣ къ себѣ въ домъ взять: квартира ужъ потому нужна очень большая, что и у Вари дѣти, вѣдь, кричатъ, какъ и всякія дѣти,—для нихъ нужна нянька, потому что Варя нужна мнѣ и Лизаветѣ Павловнѣ. Нуженъ поваръ (или кухарка); нужна барышня дешевая или дама для хозяйства,—гдѣ же Варѣ съ этимъ сладить? безъ хозяйки вдвое больше зря выйдетъ и т. д. Поэтому и Васѣ можно, вѣроятно, будетъ помѣстить легко и, конечно, *даромъ*, а ужъ Вы найдете тысячу случаевъ замѣнять меня въ какихъ-нибудь переговорахъ и разъѣздахъ... Мнѣ было бы это очень пріятно, а Вамъ выгодно. Впрочемъ, все это покажетъ время, теперь отвѣтъ будетъ, вѣроятно, скоро. Правда, я предвижу, что за мои требованія лица высоко—стоящія и ко мнѣ благосклонныя на меня, пожалуй, разсердятся. *Это весьма вѣроятно*. Очень жаль! Но что дѣлать? Заниматься журналистикой, и еще въ Петербургѣ, *мнѣ, теперь*, когда мнѣ даже *ничуть* писать не хочется—надо сильное вознагражденіе! И если я действительно *такъ нуженъ вдругъ сталъ*, какъ говорятъ эти сильные міра сего, такъ дадутъ и 8.000, и не разсердятся! А разсердятся и не дадутъ—какъ угодно. Пенсію у меня отнять, кромѣ Государя, никто не можетъ... А мнѣ, кромѣ нея да лѣни и спокойствія, да—пожалуй—дружеской бесѣды и домашняго мира, который мнѣ Богъ далъ, ничего и не нужно. Амшь ¹²⁾.

¹²⁾ Эти переговоры о перѣздѣ К. Н.—ча въ Петербургъ кончились ничѣмъ. Видимо, поставленныхъ имъ условій не рѣшилась принять. Ам. А. 1—83.

Кстати, Вы спрашиваете: что „Двѣ избранницы“? что „Египетскій голубь“? ¹³⁾ Да *ничего. Ни строжи.* И сундука съ бумагами не открывалъ,—и подойти къ нему боюсь. Ни тѣни охоты ¹⁴⁾. Въ моемъ „священномъ уединеніи“, какъ Вы говорите, лѣтомъ и такъ хорошо. Нога болитъ; гулять далеко нѣтъ силъ; сижу и два и три часа и больше у себя въ скиту, на крыльцѣ, въ тѣни, и по цѣлымъ часамъ образа человѣческаго иногда за яблонями и кустами не вижу... Сосны, ели, птицы разныя, изобиліе плодовъ земныхъ вкругъ, память смерти и въ то же время нѣкоторое кроткое умиленіе покоемъ старости моей.. Иногда вижу иныхъ монаховъ и мірянъ пріѣзжихъ. Очень часто у о. Амвросія бываютъ въ келліи домашнія всенощныя; почти всегда не вставаю, а *высиживаю* ихъ въ креслахъ. („Эпикурейская религія“, какъ вретъ Л. Н. Толстой про *образованныхъ* христіанъ, забывая, что мужикъ, въ вѣру котораго онъ вѣрится, и безъ вѣры цѣлый день съ дѣтства привыкъ быть на ногахъ,—а каково мнѣ, напримѣръ? О. Амвросій такъ иногда и лежитъ даже отъ слабости во время службы).

¹³⁾ „Двѣ избранницы“ и „Египетскій голубь“—повѣсти К. Н. Леонтьева, начатыя печатаніемъ, но не оконченныя. „Египетскій голубь“ печатался въ „Русск. Вѣстн. М. Н. Каткова (1881 и 1882 г.г.) и не былъ оковченъ и въ рукописи. „Двѣ избранницы“ печатался въ московскомъ еженедѣльномъ иллюстрированномъ журналѣ *Россія* г. Уманца (1885 или 1886 г.). Романъ былъ въ трехъ частяхъ и въ рукописи совершенно оконченъ. Первая часть напечатана, третья—осталась у автора, а вторая—затеряна въ редакціи, которая въ это время переходила отъ г. Уманца къ г. Пашкову, и такъ и не была найдена. Оба эти романа (послѣдніе романы Леонтьева) были очень интересны, своеобразны и характерны, имѣли немаловажное значеніе, какъ иллюстрація мировоззрѣнія Леонтьева въ послѣдніе годы жизни, а также и въ отношеніи автобіографическомъ. Судьба ихъ очень меня интересовала. *Ан. Ал.—вз.*

¹⁴⁾ Прежде я все заботился о томъ, *какъ бы писать*; теперь же о томъ, *какъ бы не писать*. Гораздо пріятнѣе вотъ такія письма Вамъ или Крвсти. Знаешь, что кое-что съешь, что такъ или иначе взойдетъ. А публика? „Что я Гекубѣ? что Гекуба мнѣ?“ Правительство меня цѣнитъ: публика меня до сихъ поръ знать не хочетъ; такъ изъ-за чего же мнѣ *грѣшить* какими-то безпокойствами *не по Бозю?* изъ тщеславія что ли? Удивительное тщеславіе! Какое же? Развѣ оскорбленное. Ну, это пожалуй. Такъ отъ оскорбляемаго въ теченіе 30 лѣтъ тщеславія не распишешься, больной и усталый! Я и на счетъ Петербурга молюсь: „да идетъ мимо меня сія чаша!“ *К. Леонтьевъ.*

Что же еще Вамъ сказать?

Безъ Александра и Вари ¹⁵⁾ немножко скучно ¹⁶⁾; но для службы попался мнѣ хорошій и умный мальчикъ 16 лѣтъ.

Лизавета Павловна ¹⁷⁾ была со мною; но скоро соскучилась и отпросилась къ племяннику въ Тулу. Я говорю ей на прощанье:

— И не жаль тебѣ стараго мужа?

А она:

— Э! довольно мы съ тобой жили вмѣстѣ, Теперь я къ *москвѣ* хочу.

Москвѣ—это собачка у племянника въ Тулѣ.

Я предпочитаю такую жену какой-нибудь *помощницѣ въ трудѣхъ*, которая сказала бы:

— Это совершенно *вѣрно* добрый другъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ *безразлично* и *обязательно* и даже *нелогично* для *высоко-развитой личности!*.

А я бы ее въ ухо за это! Вотъ тебѣ и „личность“...

Отъ Кристи было очень милое письмо: отъ Уманова и отъ

¹⁵⁾ Молодые слуги, мужъ съ женой. Варя была взята К. Н.—чемъ 12-лѣтней дѣвочкой изъ имѣнія его, с. Кудинова Калужск. губ., выросла у него въ домѣ и отдана имъ замужъ за красиваго молодого парня Александра изъ подмосковной деревни Мазилова, гдѣ К. Н.—ичъ жилъ на дачѣ. Отношенія его къ слугамъ (и вообще къ престопаздью) были очень своеобразны: они были какъ-то особенно, на свой манеръ, патриархальны, строго-любовны, отечески-добродушны, барственно-человѣчны (если можно такъ выразиться). Онъ былъ требователевъ къ нимъ, пріучая ихъ къ строгому и аккуратному исполненію своихъ обязанностей, внимательному отношенію къ его привычкамъ и всему укладу его жизни, а также и усвоенію „хорошихъ манеръ“ (которымъ онъ училъ даже нищихъ, обращавшихся къ нему за подаеніемъ и обыкновенно не встрѣчавшихъ отказа). Но строгія замѣчанія его были въ то же время такъ отечески добродушны и такъ остроумны, что положительно занимали ихъ, оживляли, подбодряли; къ тому же онъ съ такой сердечностью и добротой входилъ въ нужды ихъ собственной жизни, матеріальной и духовной, что окончательнo плѣнялъ и покорялъ ихъ: они очень любили его, любовались имъ, гордились имъ и были ему искренно преданы. О нихъ много разъ упоминается въ этихъ письмахъ дальше. *Ан. Ал—въ.*

¹⁶⁾ *Здѣсь* только (и *льтомъ* еще) можно сказать: „немножко скучно“,—а въ городѣ я не могу и вообразить ни себя, ни Лизу безъ нихъ. *К. Леонтьевъ.*

¹⁷⁾ Супруга К. Н. Леонтьева. (См. дальше, примѣч. 75).

вертушки - Дениски—ничего... ¹⁸⁾ Владиміръ Андреевичъ ¹⁹⁾ тоже молчитъ. Что-то ждетъ его безъ Каткова?

Думаю обо всѣхъ васъ *очень* часто, *всегда* думаю... И Лиза говоритъ:

— Какъ ты здѣсь будешь жить безъ *своихъ студентствъ*?

Попырникова ²⁰⁾ писала мнѣ два раза. Помчалась до осени въ Нижній; взяла какое-то дѣло. Какое—не пишетъ. Что-за безтолковая, или, вѣрнѣе, безцѣльная трата ума и энергій у этой дѣвушки! Не знаю, *что бы* изъ нея дѣйствительно хорошее сдѣлать... Я думаю: задатки—большіе; цѣли нѣтъ достойной...

А Вамъ когда-нибудь надо въ Оптину напрямьно.

Ну, Богъ съ Вами. Обнимаю Васъ крѣпко.

Отчего Вы не напишите стихотворенія прямо на тему Вашего письма: *поэзіи хочется—родныхъ жаль!* И правдиво, и оригинально... ²¹⁾ Только надо большое, подробное и картинное...

К. Леонтьевъ.

¹⁸⁾ И. И. Кристи, Умановъ, Денисовъ—все тогда только что кончившіе курсъ студенты, члены молодого кружка, группировавшагося около К. Н. Леонтьева. (См. „Предисловіе“). Упоминаются нѣсколько разъ и дальше. *Ан. Ал—въ.*

¹⁹⁾ В. А. Грингутъ—впослѣдствіи редакторъ „*Моск. Вѣд.*“, тогда сотрудникъ ихъ и преподаватель Катковского лицея. *Ан. Ал—въ.*

²⁰⁾ В. А. Попырникова—молодая дѣвушка, бывавшая въ кружкѣ К. Н. Леонтьева. Письма его къ ней напечатаны въ *Рус. Обзор.* 1898 г. *Ан. Ал—въ.*

²¹⁾ На что только это сестрамъ Вашимъ высшее или даже среднее образованіе? *Простятъ*... Мало-ли что онѣ просятъ! Какія цѣли въ жизни? 1) Хлѣбъ насущный и вообще матеріальныя блага, 2) спасеніе души, религіозное развитіе сердца, 3) эстетика, личная поэзія, достоинство что ли... И больше ничего. И то, и другое, и третье—однаково доступно на всѣхъ ступеняхъ образованія. Матеріальныя блага мѣряются привычкой и степенью претензій. Для религіи образованіе—обоюдострое орудіе: или лучше, или хуже. А что касается до эстетики, то потрудитесь только вспомнить *моего Александра*—и громко харкающаго товарища Вашего П., или хоть *мою Варю*—и писунью М.,—такъ все Вамъ станетъ ясно. То-то и бѣда, что въ теоріи мы всѣ молодцы, все поймемъ, а на практикѣ идемъ большею частію за другими... На что Вамъ принимать участіе въ разможеніи „среднихъ людей“? *К. Леонтьевъ.*

Р. S. 27 июля. Сейчас уѣхалъ Н. П. Лихаревъ. Онъ былъ у меня два раза, и мы много говорили. Я ему очень былъ радъ. Прекрасный человекъ и оригинальный ²²⁾.

Каково посланіе! Дай Богъ, чтобы Вамъ было также пріятно читать его, какъ мнѣ было три утра его писать..

Письмо II.

13 окт. 1887 г. Оптина Пустынь.

Милый мой Александровъ! конечно, я не въ силахъ прямымъ моимъ вліяніемъ замѣнить Вамъ Каткова,—но я *безотлагательно, на дняхъ* сдѣлаю, что могу, посредствомъ другихъ людей, для того, чтобы *доставить Вамъ стипендію* и возможность приготовиться къ кафедрѣ Русской Литературы. Это „совершенно вѣрно“ и даже „обязательно“ ²³⁾.

Сейчасъ не распространяюсь, потому что занятъ (по хозяйству, которое гораздо больше меня здѣсь интересуеть, чѣмъ моя литература); но изъ этого не слѣдуетъ, что всегда мой

²²⁾ Н. П. Лихаревъ—помѣщикъ Тульской губернии, бывшій одно время уѣзднымъ предводителемъ дворянства, человекъ чистѣйшей души и добрѣйшаго, благороднѣйшаго сердца, типъ милаго идеалиста, пламеннѣйшаго душой ко всему возвышенному, имѣвшаго неистребимую склонность къ литературнымъ занятіямъ, изъ которыхъ, впрочемъ, выходило мало толку, и вѣчнаго младенца въ дѣлахъ практическихъ. Онъ очень скоро разорился и доживалъ свой вѣкъ совершенною „птицей небесною“, гостя большею частію у своего товарища по университету, богатаго Тульского помѣщика, милѣйшаго и добрѣйшаго Ст. Вас. Хомякова, племянника знаменитаго славянофила и поэта А. С. Хомякова. Съ Н. П. Лихаревымъ я и познакомился въ домѣ С. В. Хомякова, съ сыномъ котораго, мальчикомъ-лицейстомъ, я занимался цѣлыхъ три года, почти все время моего студентства, зимой ежедневно бывая въ ихъ Московскомъ домѣ на Новинскомъ бульварѣ, а лѣто проводя съ ними въ ихъ тульскомъ имѣніи с. Слободкѣ (въ 18 верстахъ отъ Тулы). Я очень любилъ эту милую семью и до сихъ поръ храню о ней самое пріятное воспоминаніе. Въ имѣніи ихъ я получено мною это первое письмо отъ К. Н. Леонтьева. Н. П. Лихаревъ лѣтомъ 1887 г. ѣздилъ на богомолье въ Оптину Пустынь, гдѣ и познакомился съ К. Н. Леонтьевымъ *Ан. Ал—огз.*

²³⁾ „Совершенно вѣрно“ и „обязательно“—словечки, которыми какъ-то особенно часто, надобѣливо и иной разъ совершенно неумѣсто зацестрѣла тогдашняя разговорная и отчасти даже литературная рѣчь. Затасканность, избытокъ и пошловатость ихъ сильно возмущала К. Н.—ча, строгаго блюстителя простоты и красоты русской рѣчи. *А. Ал—огз.*

отвѣты будутъ такъ кратки, какъ этотъ. Лѣтомъ я доказала Вамъ противное.

О себѣ скажу Вамъ только одно на этотъ разъ: опять *раны на ногахъ*, опять кашель и отѣкъ ногъ, опять уже три недѣли—ни въ Церковь, ни вообще, на воздухъ, Но унывать—ничуть не унываю, благодаря Бога. Всѣ мои — около меня; домъ ²⁴⁾ *очень* хорошъ, просторенъ, тепелъ и съ такими хорошими видами изъ оконъ, что я и самъ дивлюсь, почему: это они, эти виды, больше уже не вдохновляютъ меня.. Чувствую, что *должны бы* вдохновлять, — а не вдохновляютъ...

Бываютъ всенощныя въ домѣ; посѣщаютъ нерѣдко весьма разнообразныя монахи: и похуже, и получше, и очень хорошия, и совсѣмъ плохія,—всякіе есть...

Лизавета Павловна, Саша и Варя очень были тронуты Вашей памятью: Вы и Кристи вѣдь любимцы моей *п. лебейской* и сборной семьи.. Былъ еще и Замараевъ ²⁵⁾, но онъ въ Туркестанѣ всѣхъ насъ вовсе забылъ.

Петръ Евгениевичъ, „моралистъ“, *весьма неморально* не можетъ найти минуты отвѣтить мнѣ на мое письмо.. Я увѣренъ, что французъ-буржуа и нѣмецъ-бюргеръ давно бы на его мѣстѣ отвѣтили.. Грингмуту—я вѣрю, что некогда,—ну, а *его-то недосугъ* я тоже знаю!...

Обнимаю Васъ

Вашъ К. Леонтьевъ.

Р. С. Очень радъ, что Вы молитесь, и „Житія“ ²⁶⁾ Вамъ *за это* теперь ужъ совсѣмъ дарю.. И составлю даже, при

²⁴⁾ Изъ скита К. Н—чъ переехалъ къ этому времени въ домъ-особнякъ, расположенный у самой монастырской ограды, который арендовалъ у монастыря до конца пребыванія своего въ Оптиной Пустыни. Сюда выписалъ онъ „сборную семью“ свою, т. е. супругу Лиз. Павл. и слугъ своихъ Варю и Сашу и зажилъ съ ними совершенно своеобразною, какою-то полу-монашеской, полу-помѣщичьей жизнью, полною религиозно-трогательной, милой и тихой поэзіи и плѣнительной красоты патриархальнаго, стариннаго православно-русскаго уклада, добродушно барскаго и въ то же время удивительно изящнаго и очень чуткаго къ движенію современной мысли. *Ан. Ал—овъ.*

²⁵⁾ Гр. Ив. Замараевъ—тоже одинъ изъ бывшихъ студентовъ кружка Астафьева и Леонтьева. Въ это время служилъ въ Туркестанѣ. *А. Ал—овъ.*

²⁶⁾ 12 Томовъ „Четвѣ-Миней“, вывезенныхъ К. Н—емъ съ Аеоны и дав-

первой возможности, для Васъ списокъ, какія полезнѣе прочесть и въ духовномъ и въ литературномъ отношеніи. Одно съ другимъ тутъ совпадаетъ: жизнь Святыхъ болѣе другихъ почему-либо оригинальныхъ и выразительныхъ уже потому наставительнѣе жизни однородныхъ и сходныхъ, что указываетъ, какъ богаты пути душеспасенія и святости. Вотъ гдѣ „единство въ разнообразіи“!

Напишите мнѣ *скорѣе*, на кого въ *Москвѣ* выгоднѣе всего произвести „нравственное давленіе“ какое-нибудь изъ *Петербурга* въ Вашу пользу ²⁷⁾.

Сообщилъ А. А. Александровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ныхъ мнѣ имъ раньше для прочтенія. Упоминаются также въ примѣч. 10. А. А—овъ.

²⁷⁾ Къ этому времени уже былъ рѣшенъ вопросъ объ оставленіи меня Н. С. Тихонравовымъ при Московскомъ университетѣ для подготовленія къ кафедрѣ русскаго языка и словесности. Оставалось лишь сомнѣніе, можно ли выхлопотать для меня уже съ этого года стипендію въ 600 р. въ годъ, которая обыкновенно назначалась оставленнымъ при университетѣ на два года для поддержки въ ихъ занятіяхъ, или хлопотать объ этомъ въ томъ же году было уже поздно, и придется подождать съ этимъ еще годъ. К. Н—чъ, узнавъ объ этомъ, съ своей стороны горячо и искусно принялся за хлопоты, увѣнчавшіяся, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, полнымъ успѣхомъ. А. А—овъ.